

Тань Юмин быстро соображал:

— Социальные проекты более стабильны. Они меньше подвержены влиянию рынка, особенно в сфере муниципального строительства и производства общественного транспорта. Это касается нужд простых людей. Как бы там наверху ни грызлись, они не посмеют трогать эту базовую инфраструктуру.

Он потянул за галстук:

— Среди всех прошлогодних заявок первыми прошли отбор проекты по медицинскому оборудованию второго класса. Я ведь не ошибаюсь, директор Ян?

Ян Чжисянь тут же ответил:

— Как вернусь, прикажу собрать данные по всем выигранным тендерам за последние годы. Мы отберём лучшие и немедленно вынесем на обсуждение.

— Однако я не советую гнать лошадей с графиком, — Тань Юмин отбросил свою обычную небрежность, когда речь зашла о деле. — В тех крупных проектах в Личжицзяо велика доля государственных субсидий. У финансового управления и «UnionPay» сейчас полная неразбериха. — Он сказал напрямик: — Лучше пока ничего не трогайте.

После такого начала остальные отделы поочерёдно утвердили свои графики и ключевые задачи. Шэнь Цзуннянь не любил слушать клятвы в преданности делу, поэтому сразу закрыл собрание. Они с Тань Юмином вернулись в офис, чтобы продолжить обсуждение корректировки стратегии сотрудничества.

У разных фракций были разные политические курсы, и сейчас ситуация выглядела запутанной. «Хуаньту» и «Пинхай» многие годы были связаны общими интересами и действовали заодно. Одно неверное движение могло обрушить всё, поэтому им приходилось действовать с ещё большей осмотрительностью, чем их отцам.

— Никто не берётся предсказать, кто именно победит. Разрыв в голосах минимальный, — Тань Юмин махом снял галстук, запонки и часы, бросив их на стол. За утро на совещании у него пересохло в горле. Он взял чашку с горячим чаем и сделал большой глоток. — Я договорился об ужине с директором Хуаном на завтра. Выясним обстановку, а потом уже будем решать, ещё не поздно.

У него был врождённый талант к завязыванию связей, в его компании были самые разные люди, от мажоров до сомнительных личностей. Шэнь Цзуннянь не стал возражать и спросил:

— Кого планируешь отправить на переговоры с банком?

Тань Юмин, уперев одну руку в бок и держа чашку другой, опустил глаза:

— Ду Фэна.

Шэнь Цзуннянь ничего не спросил, лишь сказал:

— Чжун Маньцин проводит юридическую проверку. Тебе решать.

Тань Юмин резко поднял взгляд:

— Когда ты узнал?!

Ду Фэн вёл двойную игру, и он никак не ожидал, что Шэнь Цзуннянь заметит это раньше него!

Видя его изумление, смешанное с досадой, Шэнь Цзуннянь лишь хмыкнул:

— Ненамного раньше тебя.

— И почему ты мне не сказал?

Шэнь Цзуннянь просматривал документы на его компьютере. Не поднимая головы, он ответил:

— Ты и сам в состоянии это заметить.

Это даже не было полноценным комплиментом, но Тань Юмин снова расцвёл.

Когда разговор подошёл к концу, помощница Ян Шиянь постучала в дверь и доложила:

— Господин Тань, пришёл господин Чжо.

— Впустите его.

Ещё до того, как он появился на пороге, раздался крик:

— Тань Ю...

Но, войдя и увидев в кабинете Шэнь Цзунняня, Чжо Чжисюань проглотил последний слог и неловко усмехнулся:

— Шэнь Цзуннянь, ты тоже здесь.

Дружки Тань Юмина не зря побаивались Шэнь Цзунняня. Даже Чжо Чжисюань, который был почти другом детства, часто считал его слишком мрачным.

В отличие от наследного принца с его фальшивой мягкостью под маской джентльмена, мрачность и властность Шэнь Цзунняня были прямолинейными и острыми, как нож. Казалось, любой, кто приближался к нему, должен был спрятаться за спину Тань Юмина, чтобы не получить обморожение.

Тань Юмин полусидел на рабочем столе:

— Какими судьбами?

Чжо Чжисюань:

— Заходил по делам на биржу, решил по пути заскочить к тебе. — В последнее время наследный принц так запудрил мозги Чэнь Ваню, что тот совсем пропал из виду, а настоящих друзей в их кругу у него было раз-два и обчёлся.

— Ладно, — сжалился Тань Юмин над другом детства. — Тогда оставайся на обед.

В присутствии Шэнь Цзунняня Чжо Чжисюань не мог болтать без умолку, как обычно. Озираясь по сторонам, он потрогал шкатулку для подзавода часов на шкафчике:

— Что это?

— Лот для благотворительного аукциона.

Разнообразные благотворительные ужины и аукционы всегда были прелюдией к любой смене власти. Чтобы привлечь голоса, политические силы обычно устраивали благотворительные вечера, где демонстрировали грандиозные планы по защите экологии, заботе о бедных детях и развитию города. Так они прикрывали кровавую борьбу за власть ширмой добрых дел.

На таких некоммерческих аукционах обычно не акцентировали внимание на стоимости лотов или собранной сумме. Важнее было продемонстрировать гуманизм и искреннюю доброту сильных мира сего. Поэтому от участников требовали выставлять на торги вещи, которыми они пользовались в быту, или созданные своими руками.

Чжо Чжисюань удивился:

— Ты правда сам это делаешь?

Хотя организаторы ставили такое условие, мало кто действительно делал всё сам. Богачи тратили огромные деньги, нанимая людей, чтобы те намалевали нечитаемую каллиграфию или перенасыщенную красками картину маслом, а потом выдавали это за своё творчество.

— Ага, — беспечно отозвался Тань Юмин. — Ну как?

Шэнь Цзуннянь мельком взглянул на модель на кофейном столике. Иногда Тань Юмин совершенно не походил на ребёнка, выросшего в семье такого уровня. Он искренне занимался благотворительностью, любил детей и животных. В то время как все остальные использовали подобные мероприятия как ступеньку в политике и арену для расширения своей власти, один лишь Тань Юмин на полном серьёзе и с искренней радостью занимался поделками.

Он с энтузиазмом брался за любые проекты, требовавшие личного участия, ненавидел показуху и фальшь и совершенно не заботился о так называемых «вкусе» и «статусе». Пока другие жертвовали старинный фарфор и известные пейзажи, он выставял собственноручно спроектированные и собранные модели Lego, сильно выделяясь на фоне всего этого пафоса.

Но, как ни странно, его лоты пользовались невероятной популярностью, особенно среди богатых дам и наследниц богатых семей.

Чжо Чжисюань скромно поинтересовался:

— А что это у тебя?

Тань Юмин посмотрел на него как на невежду:

— Большая панда. Не видел таких?

Большие панды — самые милые создания. В этом Тань Юмин был твёрдо убеждён после школьной поездки по обмену на материк.

Чжо Чжисюань цокнул языком:

— Я ещё не придумал, что буду делать. А-Вань собирается пожертвовать прибор для обнаружения и отслеживания отставших косяков рыб.

Из-за строительства портов и искусственных островов в последние годы экологический барьер моря вокруг Хайши был серьёзно нарушен. Охрана окружающей среды снова стала отличным предлогом для привлечения голосов.

— А Чжао Шэнгэ вообще отличился, — на самом деле Чжо Чжисюань хотел сказать «окончательно свихнулся». — Просто жертвует сумму денег. — Наследный принц действовал прямолинейно и грубо, но никто не смел ему перечить.

Тань Юмин саркастично усмехнулся:

— Можно подумать, у него есть сердце.

Даже спустя много лет смерть того белого щеночка глубоким шрамом отпечаталась в сердце Тань Юмина.

Шэнь Цзуннянь поднял глаза, приоткрыл рот, но ничего не сказал. Личные дела Чжао Шэнгэ — не ему лезть не в своё дело.

Тань Юмин, увидев, как он замялся, решил, что тот хочет заступиться за Чжао Шэнгэ, и холодно усмехнулся:

— Что? Разве я не прав?

— Заводит животных и не несёт за них ответственности. Лицемер! Отброс!

Шэнь Цзуннянь посмотрел на него, и его неуверенный взгляд был воспринят как несогласие.

В груди Тань Юмина вспыхнул гнев:

— Шэнь Цзуннянь, хватит его выгораживать! Не забывай, кто твой настоящий брат!

— ...

— Я же зря на тебя наговариваю, — Тань Юмин злился ещё больше, видя его лицо. — Раньше вы вечно возились со своими дурацкими роботами и моделями и никогда не звали меня. Ах да, и А-Сюаня тоже.

— Каждый день торчали в лаборатории до глубокой ночи. А кто оставлял для тебя свет в гостиной? Кто подогревал тебе молоко? Кто будил экономку, чтобы она приготовила тебе поздний ужин?

— ...

— Роботы — это так весело, да, Шэнь Цзуннянь? Каждый день вскакивали с петухами и зубрили до посинения. — Видимо, это было семейным: язык у него был так же подвешен, как у Гуань Кэчжи. — Школе «Инхуа» следовало бы выдать вам медаль «За выдающиеся заслуги».

В этом и была прелесть друзей детства: они могли припомнить тебе грехи с тех времён, когда вы ещё пешком под стол ходили. Тань Юмин умел переворачивать всё с ног на голову не хуже хайшиских журналистов. Бессонные ночи Шэнь Цзунняня над проектом превратились в его устах в:

— Вы с Чжао Шэнгэ ночами напролёт любовались звёздами и луной, обсуждая астрономию и географию! А мне, значит, каждый вечер велели ложиться спать в десять?! Вот уж поистине чемпион по двойным стандартам!

— ...

Чжо Чжисюань, стоявший рядом, чувствовал себя как на иголках. Но в его памяти невольно всплыли воспоминания, сильно расходившиеся со словами Тань Юмина.

В то время они учились в главном корпусе «Инхуа». Чжао Шэнгэ занимался метеорологическими роботами, а Шэнь Цзуннянь был ключевым звеном в команде по астрономическим роботам. Спроектированная им модельная система вышла за рамки обычной съёмки и записи звёздных спектров и завоевала золотую медаль.

В памяти Чжо Чжисюаня это был семестр с самым частым объявлением штормового предупреждения. Пока местный бунтарь из филиала Чэнь Вань балансировал на грани нарушения школьных правил, под покровом ночи перелезая через стену, чтобы починить

робота Чжао Шэнгэ, главная звезда светской хроники Тань Юмин превратился в «социального террориста». Он с фанфарами ходил по другим классам главного корпуса, раззвонивая всем о победе Шэнь Цзунняня.

На переменах, если вы видели в коридоре маленького рупора, увлечённо вещающего ученикам из других классов, это несомненно был молодой господин Тань.

— Да-да-да, точно! Мисс Чжан сказала, что в этот раз из Хайши только Нянь-цзай и Чжао Шэнгэ взяли призы. А ведь раньше каждый год всё забирали ботаники с материка!

— Что?! Ты ещё не видел? Ну ты даёшь, это же в подвесном павильоне здания Ифу.

— Блин, это просто отвал башки! Он может по алгоритму просчитывать траекторию движения осколков галактик, находящихся за несколько световых лет...

— Да ладно, ты даже созвездие Лебеда не знаешь? Братан, у тебя сколько баллов по географии? Твоя научная грамотность просто на дне, мне даже стыдно за тебя.

— После уроков... нет, прямо сейчас иди и посмотри! Следующий урок у вас — самоподготовка, я расписание видел. Зови своих ребят из группы и дуйте туда. Особое внимание обратите на установку для астрономических наблюдений.

— Да, там есть табличка с именем — Шэнь Цзуннянь. Угу-угу, сама моделька тоже ужасно милая: у неё такие две маленькие ручки, и она может с тобой общаться, рассказывать звёздные карты наизусть!

— Это Нянь-цзай сам озвучивал, просто голос обработали. Она очень умная. А остальное... ну, на остальное там особо и смотреть нечего. Робот Чжао Шэнгэ... ну, тоже робот, наверное.

— ...

В те времена даже учителя географии были наслышаны о том, как этот маленький хулиган лично собирал и конвоировал несколько классов смотреть на астрономического робота. Просто сейчас он сам, похоже, об этом забыл, а Чжо Чжисюань не решался навлекать на себя гнев молодого господина.

Шэнь Цзуннянь не понимал, какая муха его укусила. Приподняв веки, он посмотрел на Тань Юмина. А того больше всего бесил именно этот холодный взгляд:

— Чего смотришь? Я что, неправду сказал?

Шэнь Цзуннянь:

— Я хоть слово произнёс?

— А тебе и говорить не нужно! — Тань Юмин упёр руки в бока, словно читая мысли. — Думаешь, раз ты молчишь, я не знаю, что ты меня мысленно материшь?

— ...

Чжо Чжисюань сидел как на иголках, раздумывая, не зря ли он вообще сюда пришёл. К счастью, в этот момент в дверь снова постучали, и вошла Ян Шиянь:

— Господин Тань, расписание благотворительного ужина отправлено вам. Представители Фэй сообщили, что она прибывает в город двенадцатого числа вечером.

— Хорошо. — Тань Юмин всегда был предусмотрителен. — Тогда пошлём кого-нибудь её встретить.

— Поняла. Господин Шэнь и господин Чжо останутся на обед в «Пинхай»? Я распоряжусь, чтобы всё подготовили заранее. — Ян Шиянь работала с Тань Юмином сразу после выпуска, начиная с должности личного помощника, поэтому она не слишком боялась Шэнь Цзунняня.

То, что за несколько лет работы она сохранила живость характера, которой не хватало остальным сотрудникам, во многом было заслугой такого начальника, как Тань Юмин. Когда он нанял её на ярмарке вакансий в университете, он сразу сказал: «Главное — делай свою работу хорошо, а разводить лишнюю бюрократию и формальности не нужно».

В самом начале Тань Юмин был ещё просто «маленьким генеральным директором Тань» под руководством Тань Чуншаня и ненамного превосходил её по возрасту. Во время годовых аудитов и пиар-кризисов Тань Юмин засиживался допоздна, и она бегала вместе с ним, не чуя под собой ног.

Прошло несколько лет. Тань Чуншань отошёл от активных дел. А она вместе с молодым господином Тань пошла на повышение и стала главным помощником в генеральном офисе «Пинхай».

Шэнь Цзуннянь встал и ответил Ян Шиянь:

— Мне не нужно.

Стоило ему это сказать, как Тань Юмин снова вскочил:

— Стоило сказать тебе пару слов, и ты уже отказываешься от еды!

Но на этот раз Шэнь Цзуннянь даже не посмотрел на него. Взяв документы, он просто вышел.

— Твою ж! — Тань Юмин недоверчиво посмотрел на Чжо Чжисюаня. — Мне ведь не показалось? Он ещё и делает вид, что прав?

— ... — Чжо Чжисюань не знал, что и ответить. — Ты пригласил Фэй в качестве спутницы на вечер? Не хочешь её заменить?

Раздосадованный Тань Юмин накинулся и на него:

— На кого заменить? И с какой стати! — Он был очень доволен новой представительницей бренда, контракт с которой обошёлся им в круглую сумму. — Ты думаешь, расписание и логистика артиста — это игрушки?

На это Чжо Чжисюань предпочёл промолчать.

<http://bllate.org/book/17117/1599343>